

Хромой бес

Автор:

Ален Лесаж

Хромой бес

Ален Рене Лесаж

Ален-Рене Лесаж (1668–1747) – знаменитый французский романист и драматург. Самым известным произведением Лесажа стал роман «Хромой бес» (1707), в котором бес любострастия, азартных игр и распутства, изобретатель каруселей, танцев, музыки, комедии и всех новейших мод открывает взору студента все тайное и интимное в личной жизни жителей города, тщательно оберегаемое от посторонних глаз и ушей. В нем Лесаж продолжает обличительные традиции французского бытового романа XVII века.

Ален-Рене Лесаж

Хромой бес

© Перевод. Е. Гунст, наследники, 2019

© Агентство ФТМ, Лтд., 2019

* * *

Глава первая

Октябрьская ночь окутывала густым мраком славный город Мадрид. Горожане уже разошлись по домам, а на опустевших улицах остались одни только влюбленные, собиравшиеся воспеть свои печали и радости под балконами возлюбленных звуки гитар уже тревожили отцов и ревнивых мужей. Словом, было около полуночи, когда дон Клеофас-Леандро-Перес Самбульо, студент из Алькала, стремительно выскочил из слухового окошка некоего дома, куда завлек его нескромный сын богини острова Цитеры. Студент пытался сохранить жизнь и честь свою и ускользнуть от трех или четырех наемных убийц, гнавшихся за ним по пятам, чтобы умертвить его или насильно женить на даме, с которой они его застали.

Хотя он был один против них, он храбро защищался и лишь тогда обратился в бегство, когда в схватке у него была выбита шпага. Некоторое время они гнались за ним по крышам, но благодаря темноте ему удалось укрыться от преследования. Беглец направился на свет, замеченный им еще издали, и, хотя свет этот еле мерцал, он служил ему маяком в этих столь трудных условиях. Не раз рискуя сломать себе шею, дон Клеофас достиг чердака, откуда пробивались лучи света, и влез в окно вне себя от радости, как лоцман, благополучно вводящий в гавань корабль, которому угрожало крушение.

Он огляделся по сторонам и, очень удивившись, что в конуре, которая показалась ему довольно странной, никого нет, принялся с большим вниманием рассматривать ее. Он увидел подвешенную к потолку медную лампу, книги и бумаги, в беспорядке разбросанные на столе, глобус и компасы по одну его сторону, пузырьки и квадранты – по другую. Все это навело его на мысль, что внизу живет какой-нибудь астролог, который приходит в это убежище для научных наблюдений.

Вспоминая об опасности, которой ему удалось так счастливо избежать, он раздумывал, переждать ли ему здесь до утра или поступить иначе, как вдруг услышал возле себя протяжный вздох. Сначала он принял этот вздох за игру своего расстроенного воображения, за ночное наваждение и потому не обратил на него особого внимания.

Но, услышав вздох вторично, он убедился, что это нечто вполне реальное, и, не видя никого в комнате, воскликнул:

- Что за черт тут вздыхает?

- Это я, сеньор студент, - тотчас же ответил ему голос, в котором было что-то необычайное. - Вот уже полгода как я закупорен в одной из этих склянок. Тут в доме живет ученый астролог, он же и чародей; силою своего искусства он держит меня взаперти в этой темной темнице.

- Стало быть, вы дух? - спросил дон Клеофас, немного взволнованный необычайностью приключения.

- Я бес, - отвечал голос. - Вы пришли сюда очень кстати, чтобы освободить меня из неволи. Я томлюсь от праздности, потому что из всех чертей преисподней я самый деятельный и самый живой.

Эти слова слегка испугали сеньора Самбульо, но так как он был от природы храбр, то взял себя в руки и сказал духу твердым голосом:

- Сеньор бес, объясните мне, пожалуйста, какое положение занимаете вы среди ваших собратьев: благородный ли вы демон, или же простого звания?

- Я важный черт, - ответил голос, - и пользуюсь большой известностью и на том и на этом свете.

- А случайно не тот ли вы демон, которого зовут Люцифером? - спросил Клеофас.

- Нет, - ответил дух. - Люцифер - черт шарлатанов.

- Вы Уриэль? - продолжал студент.

- Фу! - сразу же перебил его голос. - Уриэль - покровитель купцов, портных, мясников, булочников и прочих жуликов из третьего сословия.

- Так, может быть, вы Вельзевул? - спросил Леандро.

- Вы надо мной насмехаетесь, - обиделся дух. - Вельзевул - демон дуэний и оруженосцев.

– Удивляюсь, – сказал Самбульо. – А я-то считал его одной из важнейших персон вашего общества.

– Это один из самых незначительных наших подданных. У вас превратные понятия об аде, – отвечивал бес.

– Значит, – сказал Дон Клеофас, – вы – Левиафан, Бельфегор или Астарот.

– О, что касается этих трех, – ответил голос, – это бесы первого ранга. Это – придворные духи. Они заседают в советах государей, вдохновляют министров, составляют союзы, поднимают восстания в государствах и зажигают факелы войны. Это не такие бездельники, как те черти, которых вы называли сначала.

– Скажите, пожалуйста, – продолжал студент, – в чем состоят обязанности Флажеля?

– Он – душа крючкотворства, дух адвокатского сословия, – ответил бес. – Это он придумал все формальности, которые соблюдаются судебными приставами и нотариусами. Он воодушевляет тяжущихся, сидит в адвокатах и обурекает судей. А у меня другие занятия: я устраиваю забавные браки – соединяю старикашек с несовершеннолетними, господ – со служанками, бесприданниц с нежными любовниками, у которых тоже нет ни гроша за душой. Это я ввел в мир роскошь, распутство, азартные игры и химию. Я изобретатель каруселей, танцев, музыки, комедии и всех новейших французских мод. Одним словом, я Асмодей, по прозванию Хромой Бес.

– Как! – воскликнул дон Клеофас. – Вы тот прославленный Асмодей, о котором есть знаменитые указания у Агриппы и в «Ключах Соломона»? Однако вы мне рассказали не про все ваши проказы. Вы забыли самое интересное. Я знаю, что вы иногда развлекаетесь тем, что содействуете несчастным любовникам. Доказательством служит то, что в прошлом году один мой приятель, бакалавр, добился при вашей помощи благосклонности жены некоего доктора из университета города Алькала.

– Правда, – отвечал дух, – но это я приберегал вам напоследок. Я бес сладострастия, или, выражаясь более почтительно, я бог Купидон. Это нежное имя мне дали господа поэты: они рисуют меня в очень привлекательном виде. Они утверждают, что у меня золотые крылышки, повязка на глазах, в руках лук,

за плечами колчан со стрелами и что при этом я восхитительно хорош собой. Вы сейчас увидите, сколько тут правды, если выпустите меня на свободу.

– Сеньор Асмодей, – возразил Леандро-Перес, – как вам известно, я давно и безраздельно вам предан, это подтверждает хотя бы та опасность, которой я только что избежал. Я очень рад случаю быть вам полезным, но сосуд, в котором вы заключены, наверное, заколдован. И напрасны будут мои попытки откупорить или разбить его. Вообще не знаю, каким образом мог бы я освободить вас из заключения. Я не очень-то опытен в подобных делах; и, между нами говоря, если такой ловкий бес, как вы, не может сам выпутаться из беды, то под силу это жалкому смертному?

– Людям это доступно, – отвечал бес. – Сосуд, в котором я заключен, – простая стеклянная бутылка; ее легко разбить. Вам стоит только взять ее и бросить на пол, и я тотчас же предстану пред вами в человеческом образе.

– В таком случае это легче, чем я думал, – сказал студент. – Укажите же мне, в каком сосуде вы находитесь. Тут великое множество одинаковых склянок, и я не могу распознать, которая из них ваша.

– Четвертая от окна, – ответил дух. – И хотя на пробке имеется магическая печать, бутылка все-таки разобьется.

– Хорошо, – сказал дон Клеофас. – Я готов исполнить ваше желание, но меня останавливает еще одно маленькое затруднение: боюсь, что если я окажу вам такую услугу, мне придется за это поплатиться.

– Ничего с вами не будет, – отвечал бес, – напротив, я вас так отблагодарю, что вы не раскаетесь в своем поступке. Я научу вас всему, чему вы только захотите: вы узнаете все, что делается на свете: я открою вам человеческие слабости, я стану вашим бесом-хранителем, а так как я образованнее, чем Сократ, то берусь сделать вас умнее этого великого философа. Словом, я отдаю себя в ваше распоряжение со всеми моими достоинствами и недостатками: и те и другие будут вам одинаково полезны.

– Заманчивые обещания! – воскликнул студент. – Но вашего брата, господ бесов, обвиняют в том, что вы не так-то уж свято исполняете свои посулы.

– Это обвинение не лишено оснований, – сказал Асмодей. – Большинство моих собратьев действительно не очень-то совестится вас обманывать. Что же касается меня, то, не говоря уже о том, что я не знаю, как только отплатить за услугу, которой я от вас жду, я – раб своей клятвы и клянусь вам всем, что делает ее нерушимой, что не обману вас. Положитесь на мое заверение, а чтобы доставить вам удовольствие, я берусь этой же ночью отомстить за вас донье Томасе, коварной даме, которая спрятала у себя четырех злодеев, чтобы поймать вас и заставить на ней жениться.

Молодой Самбульо был особенно восхищен этим последним обещанием. Чтобы ускорить его исполнение, он поспешил взять сосуд, где помещался дух, и, не заботясь о том, что может из этого произойти, с размаху бросил его на пол. Склянка разлетелась на тысячу осколков и залила пол черноватой жидкостью, которая, постепенно улетучиваясь, превратилась в облачко. Затем и облачко это рассеялось, и перед удивленным студентом предстало человеческое существо в плаще, около двух с половиной футов ростом, опирающееся на костыли. У хромого уродца были козлиные ноги, длинное лицо и острый подбородок. Цвет его лица был изжелта-черный, нос сильно приплюснут, глаза, казавшиеся крошечными, походили на два горящих уголька; непомерно большой рот со страшно отвислыми губами обрамляли длинные рыжие усы, закрученные кверху.

Голова этого прелестного Купидона была повязана красным крепом в виде тюрбана с пучком петушиных и павлиньих перьев. Шею его охватывал широкий воротник из желтого полотна, разрисованный разными бусами и сережками. Он был в короткой белой атласной одежде, опоясанной широкой лентой из нового пергамента, испещренного волшебными письменами. На его платье были изображены различные предметы дамского обихода; красивые ожерелья, шарфы, пестрые фартуки, модные прически, одна замысловатее другой.

Но все это было ничто по сравнению с белым атласным плащом, покрытым бесчисленным множеством фигурок, нарисованных китайской тушью таким широким мазком и так выразительно, что не оставалось сомнения в том, что дело здесь не обошлось без нечистого. Где изображена была испанка, закутанная в мантилью, заигрывающая с фланирующим иностранцем; где француженка, изучающая перед зеркалом всевозможные ужимки, чтобы испробовать их действие на молодом аббате, нарумяненном и с мушками на щеках, который появляется на пороге ее будуара. Здесь – итальянские кавалеры поют и играют на гитарах под балконами своих возлюбленных, а там – немцы, в расстегнутых камзолах, растрепанные, осыпанные табаком и еще более пьяные,

чем французские щеголи, окружают стол, заваленный остатками кутежа. Один из рисунков изображал выходящего из бани мусульманина, окруженного всеми своими женами, наперебой старающимися услужить ему; на другом – английский джентльмен учтиво предлагал своей даме трубку и пиво.

Замечательно изображены были также игроки: одни, охваченные пылкой радостью, наполняют свои шляпы золотыми и серебряными монетами, другие, играющие уже только на честное слово, устремляют в небо кощунственные взоры и в отчаянии грызут карты. Словом, там было столько же любопытных вещей, как на чудесном щите, сделанном богом Вулканом по просьбе Фетиды. Но между произведениями этих двух хромых существовала та разница, что фигуры, изображенные на щите, не имели никакого отношения к подвигам Ахиллеса, а рисунки на плаще были точным воспроизведением того, что делается на свете по внушению Асмодея.

Глава вторая

Бес, заметив, что его внешность не располагает к нему студента, сказал с улыбкой:

– Ну, дон Клеофас-Леандро-Перес Самбульо, вы видите перед собою прелестного бога любви, могущественного властителя сердец. Что скажете о моей внешности? Хорош я? Не правда ли, поэты – прекрасные живописцы?

– Откровенно говоря, – ответил дон Клеофас, – они несколько вам польстили. Полагаю, вы не в таком виде являлись Психее?

– О, разумеется, нет, – ответил бес. – Тогда я заимствовал свой образ у французского маркизика, чтобы сразу влюбить ее в себя. Надо придавать пороку приятную внешность, иначе он не будет нравиться. Я принимаю все обличья, какие мне угодно, и мог бы показаться вам в самом красивом фантастическом виде, но я предоставил себя в ваше распоряжение и не имею намерения что-либо скрывать от вас, а потому я хочу, чтобы вы видели меня в образе, наиболее соответствующем тому представлению, какое сложилось у людей обо мне и моих

занятиях.

– Я не удивляюсь что вы несколько уродливы не в обиду вам будь сказано, – признался Леандро. – Отношения, в которые мы вступаем, требуют откровенности. Ваша внешность не согласуется с прежним моим представлением о вас, но объясните мне на милость, отчего вы хромаете?

– Это – следствие моей давнишней ссоры с Пильядорком, бесом корыстолюбия, – отвечал черт. – Дело было во Франции, мы заспорили о том, кто из нас двоих завладеет молодым уроженцем Манса, приехавшим в Париж искать счастья. Это был великолепный экземпляр – юноша с большими талантами, – и мы горячо оспаривали его друг у друга. Мы подрались в средних слоях атмосферы. Пильядорк оказался сильнее и сбросил меня на землю подобно тому, как Юпитер, по словам поэтов, свалил Вулкана. Сходство этих приключений и послужило причиной того, что товарищи прозвали меня Хромым Бесом. Они дали мне это прозвище в насмешку, но с тех пор оно за мной так и утвердилось. Однако, хоть я и калека, а от других не отстаю, вы сами убедитесь, какой я хват. Впрочем, – прибавил он, – довольно болтать. Уйдемте поскорее с этого чердака. Колдун скоро явится сюда, чтобы трудиться над тайной бессмертия он намерен одарить им прекрасную сильфиду, которая посещает его здесь каждую ночь. Если он нас застанет, то непременно упрячет меня опять в бутылку, да, пожалуй, и вас также. Выбросим сначала в окно осколки, чтобы он не заметил моего освобождения.

– А если он это заметит после нашего ухода, что тогда будет? – спросил Самбульо.

– Что будет? – повторил Хромой. – Сразу видно, что вы не читали Книгу Принуждения. Даже если бы я спрятался на край света или в страну горящих саламандр, даже если бы спустился к гномам или в глубочайшие морские пучины, то и там я не смог бы укрыться от его злобы. Он станет произносить такие сильные заклинания, что весь ад содрогнется. Несмотря на все мое желание послушаться его, мне таки придется, помимо моей воли, явиться перед ним, чтобы понести наказание, которое он на меня наложит.

– Если так, – сказал студент, – я опасаясь, что наше знакомство будет весьма непродолжительным. Старший колдун не замедлит открыть наш побег.

– Это еще неизвестно, – возразил дух. – Мы ведь не знаем, что должно случиться.

– Как, – воскликнул Леандро-Перес, – черти не ведают будущего?

– Конечно, нет, – отвечал бес. – Люди, которые на нас в этом полагаются, большие простофили. Поэтому-то все прорицатели и ворожеи говорят так много глупостей и толкают на глупости знатных дам, которые обращаются к ним за предсказаниями. Мы знаем только прошедшее и настоящее. Мне неизвестно даже, скоро ли заметит колдун мое отсутствие: но надеюсь, что не скоро. Тут имеется несколько склянок, похожих на ту, в которой я был заключен, и он не заметит, что одной недостает. Я вам даже больше скажу: в его лаборатории я – как юридическая книга в библиотеке финансиста; он обо мне вовсе не думает, а если и вспомнит, то не оказывает чести разговаривать со мной. Это самый надменный волшебник, какого я знаю. С тех пор, как я стал его пленником, он ни разу не удостоил меня беседой.

– Вот человек! – удивился дон Клеофас. – Что же вы сделали, что навлекли на себя его ненависть?

– Я стал ему поперек дороги, – отвечал Асмодей. – В некоей академии было вакантное место; он желал, чтобы это место получил его приятель, а я хотел, чтобы его предоставили другому лицу. Чародей сделал талисман из самых могущественных каббалистических знаков, а я определил своего кандидата на службу к одному влиятельному министру, протекция которого оказалась сильнее талисмана.

С этими словами бес собрал осколки разбитого сосуда и выбросил их в окно.

– Сеньор Самбульо, – сказал он, – бежим как можно скорее; ухватитесь за конец моего плаща и не бойтесь ничего.

Хотя это предложение и показалось дону Клеофасу довольно опасным, он предпочел принять его, чем подвергнуться мщению колдуна. Он прицепился как можно крепче к бесу, и Хромой тотчас унес его.

Асмодей недаром хвалился своим проворством. Он рассек воздух, как сильно пущенная стрела, и опустился на башню Сан-Сальвадора. Как только они остановились, Асмодей сказал своему спутнику:

– Согласитесь, сеньор Леандро, что когда тряский экипаж называют чертовой телегой, то сильно искажают истину.

– Я вполне убедился в этом, – учтиво ответил Самбульо, – и могу засвидетельствовать, что такой экипаж покойнее носилок и притом так стремителен, что некогда соскучиться в дороге.

– Еще бы, – поддакнул бес. – А знаете ли вы, зачем я вас сюда принес? Я намерен показать вам все, что делается в Мадриде, и начну с этого квартала, а башня – лучшее место, чтобы привести мой план в исполнение. Силою дьявольского могущества я подниму все крыши, и, несмотря на ночную темноту, все, что творится под ними, предстанет перед вашими глазами.

При этих словах он просто вытянул правую руку, и все крыши сразу исчезли. Тут студент увидел все, что делается внутри домов, как среди бела дня: точно так же, по выражению Луиса-Велеса де Гевары[1 - Автор испанского «Хромого Беса»], становится видна начинка пирога, если снять с него корочку.

Зрелище было слишком необычайно, чтобы не поглотить всего внимания студента. Он смотрел кругом, и разнообразие окружающих картин надолго привлекло его внимание.

– Сеньор дон Клеофас, – сказал ему бес, – то изобилие предметов, на которые вы смотрите с таким удовольствием, действительно очень занятно, но рассматривать их – пустая забава. Мне хочется, чтобы зрелище это принесло вам пользу, и я намерен дать вам точное представление о человеческой жизни. Поэтому я буду рассказывать, что делают все те люди, которых вы видите, объясню причины их поступков и даже открою их сокровеннейшие мысли.

С чего начнем мы? Заглянем сначала вон в тот дом, что направо, где старик пересчитывает золото и серебро. Это скупец. В его карету, которую он приобрел

почти даром при описи имущества некоего *alcalde de corte*[2 - Придворного алькальда (исп.)], впрягаются два тощих мула из его конюшни. Он кормит их, следуя постановлению римских Двенадцати таблиц, то есть дает каждому по фунту ячменя в день. Он обращается с ними, как римляне обращались с рабами. Два года тому назад старик возвратился из Индии со множеством слитков золота и обменял их на звонкую монету. Полюбуйтесь на этого старого безумца, с каким наслаждением он пожирает взглядом свое богатство и не может им насытиться. Но вместе с тем обратите внимание на то, что происходит в другой комнате того же дома. Видите там двух юнцов и старуху?

- Вижу, - отвечал дон Клеофас, - это, верно, его сыновья?

- Нет, - возразил бес, - это его племянники, которые должны ему наследовать; они сгорают от нетерпения поскорее завладеть добычей и тайком призвали гадалку, чтобы узнать, скоро ли он умрет.

- В соседнем доме я вижу две довольно забавные картины: на одной - престарелая кокетка укладывается спать, оставив на туалетном столике свои волосы, брови и зубы; на другой - шестидесятилетний волокита, только что возвратившийся с любовного свидания, уже вынул искусственный глаз, снял накладные усы и парик, покрывавший его лысую голову, и ждет лакея, который должен снять с него деревянную ногу и руку, чтобы кавалер с оставшимися частями тела улегся в постель. Если глаза меня не обманывают, - продолжал Самбульо, - я вижу в этом доме молоденькую стройную девушку, достойную кисти художника. Как она прелестна!

- Юная красotka, так вас поразившая, - ответил Хромой, - старшая сестра того волокиты, который ложится спать. Она, можно сказать, под стать старой кокетке, что живет с ней в одном доме. Ее талия, которой вы так восхищаетесь, - лучшее произведение механики. Грудь и бедра у ней искусственные, и недавно, присутствуя на проповеди, она потеряла в церкви свой фальшивый зад. Но так как она молодится, то два кавалера оспаривают друг у друга ее благосклонность.

Они даже подрались из-за нее. Вот сумасшедшие! Словно два пса, грызущиеся из-за кости. - Давайте посмеемся над концертом, который доносится вон из того богатого особняка. Там по окончании семейного ужина поют кантаты. Старый юрисконсульт сочинил музыку, а слова - альгвасил[3 - Альгвасил - то же, что во Франции полицейский пристав, только он носит шпагу.], любезник и фат; он

слагает стихи для своего удовольствия и на мучение окружающим. Оркестр состоит из волынки и шпинета. Тонкоголосый верзила-певчий поет дискантом, а девушка с очень низким контральто ведет басовую партию.

– Вот забавная штука! – воскликнул, смеясь, дон Клеофас. – И нарочно так не придумал для потешного концерта!

– Теперь посмотрите на тот великолепный особняк, – продолжал бес. – Вы увидите там вельможу, лежащего в постели, среди роскошной обстановки. Подле него стоит шкатулка с любовными записками. Он перечитывает их, чтобы уснуть в сладкой неге – это записки от дамы, которую он боготворит. Она его так разоряет, что ему скоро придется просить должность вице-короля. Если в этом доме все тихо, то в соседнем, налево, большое волнение. Различаете вы там даму на кровати, отделанной красным узорчатым штофом? Это знатная особа. Зовут ее донья Фабула; она послала за акушеркой, ибо собирается подарить наследника своему мужу старому дону Торрибио, который стоит подле нее. Вас восхищает отзывчивость этого супруга? Крики его любезной половины раздирают ему душу, он сильно расстроен и страдает не меньше ее. С какой заботливостью, с каким усердием он старается помочь ей!

– Действительно, – согласился Леандро, – он очень взволнован. Но тут же в доме я вижу другого человека, который спит глубоким сном и нисколько не беспокоится об успешном исходе дела.

– Между тем это событие должно бы его интересовать, – возразил Хромой, – потому что этот слуга – главная причина страданий его госпожи. Посмотрите немного подальше, в комнату нижнего этажа, – продолжал он, – и обратите внимание на лицемера, натирающего колесной мазью, чтобы отправиться на собрание колдунов, которое будет происходить сегодня ночью между Сан-Себастьяном и Фуэнтэрабией. Я бы вас туда перенес, чтобы доставить вам удовольствие приятно провести время, да боюсь, как бы меня не узнал бес, играющий там главную роль.

– Значит, вы с ним не в ладах? – спросил студент.

– Где там! – отвечал Асмодей. – Это тот самый Пильядорк, о котором я вам говорил. Этот мошенник меня выдаст: он непременно донесет чародею о моем бегстве.

– У вас, может быть, были еще и другие столкновения с Пильядорком? – спросил студент.

– Действительно, – отвечал бес, – года два тому назад у нас снова произошла стычка из-за некоего парижанина, который желал здесь обосноваться. Мы оба хотели завладеть его судьбой: Пильядорк решил сделать из него приказчика, а я – покорителя женских сердец. Чтобы покончить с этим спором, наши товарищи сделали из него нерадивого монаха. После этого нас помирили, мы расцеловались – и с тех пор стали смертельными врагами.

– К чему нам это почтенное собрание, – сказал дон Клеофас, – мне оно совсем не интересно; лучше будем рассматривать то, что находится перед нашими глазами. Что означают искры, вылетающие из этого погребца?

– Это одно из самых безрассудных занятий, – отвечал бес. – Человек, стоящий в погребце около раскаленного горна, – алхимик. Огонь понемногу сжигает его богатое родовое имение, а он никогда не найдет того, что ищет. Между нами говоря, философский камень – прекрасная, но пустая мечта; ее изобрел я, чтобы посмеяться над человеческим умом, который все стремится выйти за положенные ему пределы. Сосед этого алхимика – искусный аптекарь; он еще не лег спать, вы видите его за работой в лавке вместе с престарелой супругой и сыном. Знаете, что они делают? Муж приготовляет укрепляющую пилюлю для старого адвоката, который завтра женится, сын – слабительную микстуру, а жена толчет в ступке вяжущие составы.

– А в доме напротив я вижу человека, который встает и поспешно одевается, – сказал Самбульо.

– Еще бы не спешить! – ответил дух. – Это врач, которого зовут по неотложному делу. За ним послал прелат: час тому назад он лег в постель и кашлянул два-три раза. – Теперь посмотрите в ту сторону, направо, и постарайтесь разглядеть человека, который расхаживает по чердаку в одной сорочке при тусклом свете лампы.

– Вижу, – отвечал студент, – и даже могу перечислить всю мебель этой конуры. Там ничего нет, кроме убогого ложа, стола да скамьи, а стены выпачканы чем-то черным.

– Человек, живущий так высоко, – поэт, – сказал Асмодей, – а то, что вам кажется черным, – это стихи его сочинения, которыми он исписал все стены чердака; за неимением бумаги он вынужден писать свои произведения на стене.

– Судя по тому, как он волнуется и суетится, – сказал дон Клеофас, – надо думать, что он пишет важное сочинение.

– Вы не ошиблись в своем предположении, – подтвердил Хромой, – вчера он окончил трагедию под заглавием «Всемирный потоп». Его не упрекнешь в том, что он не соблюл единства места, потому что все действие происходит в Ноевом ковчеге. Уверяю вас, это прекрасная пьеса: все животные там рассуждают, как ученые. Он намерен ее кому-нибудь посвятить; вот уже шесть часов, как он трудится над этим посвящением, теперь он сочиняет последнюю фразу. Само по себе это посвящение, можно сказать, произведение искусства: в нем сосредоточены все добродетели, нравственные и политические, все похвалы, какие только можно высказать человеку, прославленному своими предками и собственными подвигами; никогда еще сочинитель не курил так много фимиама.

– К кому же думает он обратиться с этим пышным панегириком? – спросил студент.

– Он сам еще не знает, – отвечал бес, – он не вписал еще имени. Он подыскивает богатого вельможу, пощеднее тех, которым он уже посвящал свои произведения; но люди, готовые заплатить за посвящение книги, – теперь большая редкость; вельможи избавились от этого порока и тем самым оказали немалую услугу публике, которая была завалена жалкими произведениями, ибо в былое время большая часть книг писалась только ради посвящения. – Относительно посвящения книг, – прибавил бес, – мне хочется рассказать вам один довольно странный случай. Некая придворная дама, позволив посвятить себе книгу, пожелала просмотреть посвящение до его напечатания. Она нашла, что ее там не настолько восхваляли, как она того желала, и поэтому взяла на себя труд написать себе посвящение сама, по своему собственному вкусу, и послала его автору для напечатания.

– Мне кажется, – вскричал Леандро, – что через балкон в дом лезут грабители!

– Вы не ошибаетесь, – сказал Асмодей, – это ночные воры. Они влезают к банкиру. Давайте последим за ними и посмотрим, что они будут делать. Они

проникают в контору, роются повсюду; но банкир предупредил их: он еще вчера уехал в Голландию со всеми хранившимися в сундуках деньгами.

– А вот еще вор, он влезает по шелковой лестнице на балкон, – сказал Самбульо.

– Вот насчет этого вы ошиблись, – отвечал Хромой, – это маркиз: он пользуется таким воровским способом, чтобы проникнуть в комнату некоей девицы, которая не прочь перестать быть ею. Маркиз вскользь поклялся, что женится на ней, а она поверила его клятвам, потому что в любовных делах маркизы подобны тем коммерсантам, что пользуются на рынке неограниченным кредитом.

– Любопытно бы знать, – сказал студент, – что делает вот тот человек в ночном колпаке и халате? Он усердно пишет, а подле него стоит маленькое черное существо и водит его рукой.

– Человек, который пишет, – ответил бес, – секретарь суда; он изменяет приговор, вынесенный в пользу одного несовершеннолетнего, и делает он это для того, чтобы угодить опекуну, зная, что тот в долгу не останется. А черный человечек, водящий его рукой, это Гриффаэль, бес судебных секретарей.

– Значит, Гриффаэль временно занимает эту должность? – заметил дон Клеофас. – Ведь дух адвокатуры – Флажель; поэтому и канцелярии должны быть в его ведении.

– Нет, – ответил Асмодей, – было решено, что судебные секретари достойны иметь своего собственного беса, и уверяю вас, что у него нет недостатка в работе. – Посмотрите на молодую даму, занимающую первый этаж вот того буржуазного дома, рядом с домом судебного секретаря. Она – вдова, а человек рядом с ней – ее дядя; он живет во втором этаже. Полюбуйтесь, как стыдлива эта вдовушка: она не хочет переменить сорочку в присутствии дяди, а идет в соседнюю комнату, чтобы ей помог в этом спрятанный там любовник. – У судебного секретаря живет толстый хромой бакалавр, его родственник. Он непревзойденный шутник. Волюмний, столь прославленный Цицероном за острые и едкие словечки, и то не был таким тонким насмешником. Знакомства с этим бакалавром, называемым в Мадриде попросту бакалавром Доносо, домогаются наперебой все придворные и горожане, дающие званые обеды. У него особенный талант забавлять гостей; он душа званых обедов и поэтому ежедневно обедает в каком-нибудь богатом доме, откуда возвращается к себе

не раньше двух часов ночи. Сегодня он гость маркиза Алькасиноса, к которому попал совершенно случайно.

– Как случайно? – удивился Леандро.

– А вот как, – ответил бес. – Сегодня утром, около полудня, перед дверью бакалавра стояло пять или шесть карет, посланных за ним разными вельможами. Он вызвал к себе пажей и сказал им, взяв колоду карт:

«Друзья мои, так как я не могу удовлетворить одновременно всех ваших господ и никому не хочу оказывать предпочтения, пусть карты решат мою судьбу. Я поеду обедать к королю треф».

– А какие намерения могут быть у кавалера, который сидит по ту сторону улицы, на пороге двери, – спросил дон Клеофас. – Верно, он ждет, чтобы горничная впустила его в дом?

– Нет, нет, – отвечал Асмодей, – то юный кастилец, разыгрывающий влюбленного; он хочет из чистой любезности, по примеру любовников античного мира, провести ночь у дверей своего кумира. Время от времени он бренчит на гитаре, распевая романсы собственного сочинения, а его богиня лежит на втором этаже и, слушая его, вздыхает о его сопернике. – Перейдем теперь к этому новому зданию с двумя отдельными квартирами: в одной живет хозяин, вон тот старый господин, который то ходит по комнате, то бросается в кресло.

– Я полагаю, – сказал Самбульо, – что он обдумывает какое-нибудь важное решение. Кто он такой? Судя по богатству его дома, это, должно быть, вельможа первого ранга.

– Нет, – отвечал бес, – он всего-навсего казначей, но всю жизнь занимал выгодные должности; у него четырехмиллионное состояние. Способы, какими он нажил это состояние, тревожат его, а теперь ему скоро придется отдавать отчет в своих поступках на том свете; вот его и обуяла тревога; он мечтает построить монастырь и надеется, что после столь доброго дела совесть его успокоится. Он уже исхлопотал разрешение основать монастырь, но он хочет, чтобы в эту обитель принимали только целомудренных, воздержанных и смиренных монахов. Так что набрать их будет довольно затруднительно. – Вторую квартиру занимает красивая дама; она только что приняла ванну из молока и легла в

постель. Эта обольстительная особа – вдова кавалера ордена Сантьяго, который оставил ей в наследство одно только доброе имя; но, к счастью, у нее есть два друга, два советника при кастильском короле, и они сообща несут расходы по ее дому.

– Ой-ой, – воскликнул студент, – я слышу крики и стоны! Не случилось ли какого несчастья?

– Вот в чем дело, – сказал дух, – два молодых кабальеро играли в карты в том притоне, где вы видите так много зажженных ламп и свечей. Они повздорили из-за какого-то хода, схватились за шпаги и смертельно ранили друг друга. Тот, что постарше, женат, а младший – единственный сын. Оба при последнем издыхании. Жена одного и отец другого, извещенные об этом печальном событии, только что прибыли и оглашают криками весь околоток. «Несчастное дитя, – говорит отец, обращаясь к сыну, который его уже не слышит, – сколько раз я убеждал тебя бросить игру, сколько раз я тебе предсказывал, что ты поплатишься за нее жизнью! Не по моей вине ты погибаешь такой жалкой смертью». Жена тоже в отчаянии. Хотя ее супруг проиграл все приданое, распродал все ее драгоценности и даже платья, она тем не менее неутешна. Она проклинает того, кто их выдумал, проклинает игорный дом и тех, кто его посещает.

– Я очень жалею людей, одержимых страстью к игре, – сказал дон Клеофас, – они часто оказываются в ужасном положении. Слава Богу, я не заражен этим пороком.

– У вас зато есть другой, который ему не уступит, – возразил бес. – Разве, по-вашему, благоразумнее любить куртизанок, и разве сегодня вечером вы не подвергались риску быть убитым какими-то головорезами? Я восхищаюсь господами людьми: собственные пороки им кажутся пустяком, а пороки других они рассматривают в микроскоп. – Я покажу вам еще и другие печальные картины, – прибавил он. – В доме, в двух шагах от игорного притона, вы видите грузного человека, распростертого на постели: это несчастный каноник, недавно разбитый параличом. Его племянник и внучка оставили его одного и не думают о том, как бы оказать ему помощь. Они отбирают лучшие его вещи, чтобы отнести к укрывателям; после этого они смогут спокойно поплакать и погоревать, – Видите: неподалеку отсюда хоронят двух покойников? Это братья: они страдали одной и той же болезнью, но лечились различно. Один слепо доверял своему врачу, другой предоставил все природе; оба умерли: один – оттого, что

принимал все прописанные ему лекарства, а другой – потому, что не хотел ничего принимать.

– Однако как же быть? – сказал Леандро. – Что же делать в конце концов несчастному больному?

– Тут уж я ничего не могу вам сказать, – отвечал бес. – Я знаю, что есть хорошие лекарства, но не уверен, что имеются хорошие врачи. Оставим это зрелище, – продолжал он, – я могу вам показать и кое-что повеселее. Слышите кошачий концерт? Молодая шестидесятилетняя женщина обвенчалась сегодня утром с семнадцатилетним юношей. Со всего околотка собрались насмешники, чтобы отпраздновать эту свадьбу шумным концертом на сковородах, котлах и кастрюлях.

– Вы мне сказали, – перебил его студент, – что это вы устраиваете забавные браки; однако в этом вы, кажется, не принимали участия?

– Да, не принимал, – подтвердил Хромой, – я не имел возможности сделать это, потому что сидел в бутылке, но если бы я и был свободен, я б в такое дело не вмешался. Это женщина строгого поведения; она вторично вышла замуж, чтобы без зазрения совести пользоваться наслаждениями, которые ей любы. Я подобных браков не устраиваю; мне доставляет больше удовольствие тревожить совесть, чем успокаивать ее.

– Сквозь трескотню этой шуточной серенады мне слышится еще какой-то другой шум, – сказал Самбульо.

– То, что вы слышите сквозь эту какофонию, – отвечал Хромой, – доносится из трактира, где толстый фламандский капитан, французский певец и немецкий гвардеец поют трио. Они сидят за столом с восьми часов утра, и каждый из них воображает, что честь его нации требует, чтобы он напоил двух остальных. Взгляните на тот уединенный дом, напротив дома каноника: вы там увидите трех прославленных галисиек, которые кутят в компании трех придворных.

– Ах, как они хороши собою! – воскликнул дон Клеофас. – Что ж удивительного, что вельможи ухаживают за ними. Как они льнут к своим кавалерам! Они, верно, страстно в них влюблены!

– До чего же вы молоды! – возразил бес. – Вы не знаете этой породы женщин; их сердца еще более лицемерны, нежели их лица. Как бы они ни усердствовали в изъявлении любви, у них нет ни малейшей привязанности к этим господам. Каждая приберегает себе одного из них, чтобы заручиться его покровительством, а у двух других старается выманить деньги. Так поступают все кокетки. Как бы мужчины на них ни разорялись, любви они не добьются; напротив, со всяким, кто только платит за них, дамы эти обращаются, как с мужем. Я установил это правило во всех любовных интригах. Однако предоставим этим вельможам наслаждаться удовольствиями, которые так дорого им обходятся, между тем как слуги ожидают их на улице, утешая себя сладкой надеждой получить все эти удовольствия даром.

– Пожалуйста, объясните мне другую картину, которая у меня перед глазами, – перебил его Леандро Перес. – В большом доме слева все до сих пор еще на ногах. Что это значит? Одни хохочут во все горло, другие танцуют. Там, верно, какое-нибудь празднество?

– Свадьба; вот слуги и радуются, а еще три дня тому назад все в этом особняке были в большом горе, – сказал Хромой. – Мне хочется рассказать вам эту историю: она, правда, длинновата, но надеюсь, она вам не наскучит.

И он начал следующий рассказ.

Глава четвертая

Граф де Бельфлор, один из знатнейших вельмож, был до безумия влюблен в молодую Леонору де Сеспедес. Жениться на ней он не намеревался: дочь простого дворянина была, по его мнению, неподходящей для него партией. Он хотел только стать ее любовником.

С этой целью он всюду преследовал ее и не упускал случая взглядами выразить ей свою страсть, но ему не удавалось ни поговорить с ней, ни написать ей, потому что она находилась под неусыпным наблюдением строгой и бдительной дуэньи по имени Марсела. Граф де Бельфлор приходил в отчаяние; препятствия

еще больше разжигали его желания, и он только и думал, как бы обмануть Аргуса, оберегавшего его Ио.

С другой стороны, Леонора, заметив оказываемое ей графом внимание, не могла устоять против него, и в сердце ее незаметно стала разгораться сильная страсть. Я не разжигал ее моими обычными соблазнами, потому что колдун, державший меня тогда в неволе, запретил мне исполнение всех моих обязанностей; но довольно было и того, что вмешалась сама природа. Она не менее опасна, чем я; вся разница между нами в том, что она обольщает сердца мало-помалу, а я соблазняю их мигом.

Так обстояли дела, когда Леонора и ее неизменная дуэнья как-то утром по дороге в церковь встретили старую женщину, перебиравшую самые крупные четки, какие только могло смастерить ханжество. Старуха подошла к ним с приветливым и кротким видом и обратилась к дуэнье.

– Да хранит вас небо, – сказала она, – святой мир да пребудет с вами. Позвольте спросить, не вы ли госпожа Марсела, добродетельная вдова покойного сеньора Мартина Росет?

Дуэнья отвечала утвердительно.

– О, как кстати я вас встретила, – воскликнула старуха, – должна вам сообщить, что у меня гостит престарелый родственник, который желает с вами поговорить. Он несколько дней тому назад приехал из Фландрии; он близко, очень близко знал вашего мужа и хочет вам передать нечто крайне важное. Он бы и сам пошел к вам, если бы не заболел: бедняга при смерти. Я живу в двух шагах отсюда. Будьте добры, пойдите вместе со мной.

Дуэнья была не глупа и очень осторожна; боясь сделать ложный шаг, она не знала, на что решиться; но старуха угадала причину ее колебаний и сказала:

– Милая госпожа Марсела, можете вполне положиться на меня. Меня зовут Чичоной. Лицензиат Маркое де Фигероа и бакалавр Мира де Мескуа охотно поручатся за меня, как за родную бабушку. Я приглашаю вас к себе ради вашей же пользы. Мой родственник хочет возвратить вам деньги, которые ему некогда ссудил ваш муж.

При слове «деньги» госпожа Марсела сейчас же приняла решение.

– Пойдем, дочь моя, – сказала она Леоноре, – пойдем проведем родственника этой доброй дамы; навещать болящих – долг человеколюбия.

Они скоро пришли к дому Чичоны; та ввела их в комнату нижнего этажа, где лежал человек с седой бородой; на вид он казался тяжело больным.

– Вот, братец, – обратилась к нему старуха, представляя дуэнью, – вот та мудрая госпожа Марсела, с которой вы хотели поговорить; это вдова вашего покойного друга сеньора Росет.

При этих словах старик чуть приподнял голову, кивнул дуэнье и сделал ей знак приблизиться, а когда та подошла к нему, слабым голосом сказал:

– Дорогая госпожа Марсела, я благодарю небо за то, что оно дозволило мне дожить до этой минуты. Вот единственное, чего я желал; я боялся умереть, не доставив себе радости вас видеть и отдать вам в собственные руки сто дукатов, которые одолжил мне ваш покойный муж, мой бесценный друг, чтобы выручить меня из беды, когда была поставлена на карту моя честь; это было в Брюгге. Он вам никогда не рассказывал об этом?

– Увы, нет! – отвечала Марсела. – Он никогда не говорил мне об этом! Царствие ему небесное! Он был так великодушен, что забывал услуги, оказанные друзьям, и не только не походил на тех бахвалов, которые кичатся несовершенными благодеяниями, но вообще ничего не говорил мне, когда делал кому-нибудь одолжение.

– У него была действительно прекрасная душа, – сказал старик. – Я в этом убедился лучше, чем кто-либо, и, чтобы доказать это, расскажу вам историю, из которой он меня выручил. Но мне придется говорить о вещах, очень близко касающихся памяти покойного, поэтому мне хотелось бы сообщить о них только его скромной вдове.

– Если так, оставайтесь наедине и рассказывайте, – сказала Чичона, – а мы с молодой госпожой тем временем пройдем ко мне.

С этими словами она оставила дуэнью с больным, а Леонору увлекла в другую комнату, где без дальнейших околичностей сказала:

– Прекрасная Леонора, время слишком дорого, чтобы тратить его попусту. Вы знаете в лицо графа Бельфлора; он давно влюблен в вас и умирает от желания вам в этом признаться, но строгость и бдительность вашей дуэньи лишали его до сих пор этого счастья. В отчаянии он прибегнул к моей изобретательности; я согласилась помочь ему. Старик, которого вы сейчас видели, – молодой лакей графа, а все сказанное мною вашей воспитательнице придумано нами, чтобы обмануть ее и завлечь вас сюда.

При этих словах граф, прятавшийся за занавесью, вышел и бросился к ногам Леоноры.

– Сударыня, – воскликнул он, – простите эту хитрость влюбленному, который не может более жить, не поговорив с вами. Если бы этой услужливой особе не посчастливилось все это устроить, я впал бы в полное отчаяние.

Эти слова, произнесенные растроганным голосом, притом мужчиной, который отнюдь не был ей противен, смутили Леонору. Некоторое время она была в замешательстве, не зная, что ответить; наконец, оправившись от смущения, она гордо взглянула на графа и сказала:

– Быть может, вы полагаете, что весьма обязаны этой услужливой даме, которая так для вас постаралась; но знайте: вам не извлечь ни малейшей выгоды из ее услуги.

С этими словами она направилась в залу. Граф ее остановил.

– Не уходите, обожаемая Леонора, – вскричал он, – благоволите выслушать меня одну минуту. Моя страсть так чиста, что не должна вас пугать. Согласен, вы имеете повод возмущаться обманом, к которому я прибегнул, чтобы поговорить с вами; но ведь до сих пор я сделал для этого столько бесплодных попыток! Уже полгода хожу я следом за вами – в церковь, на гулянье, в театры. Я тщетно искал случая сказать вам, что вы меня очаровали. Вашей жестокой, вашей неумолимой дуэнье всегда удавалось помешать мне. Увы! Вместо того чтобы считать хитрость, к которой я вынужден был прибегнуть, преступлением, пожалейте меня, прелестная Леонора, за долгие муки ожидания. Вам известно,

как вы очаровательны, судите же о смертных муках, которые я терплю.

Бельфлор проговорил все это с тем жаром убеждения, каким столь ловко умеют обольщать красивые мужчины; он даже пролил несколько слезинок. Леонора была взволнована; невольно сердце ее начинало наполняться нежностью и жалостью. Но она не поддавалась слабости и тем сильнее рвалась уйти, чем больше чувствовала себя растроганной.

– Все ваши речи бесполезны, граф, – воскликнула она, – я не хочу вас слушать! Не удерживайте меня; дайте мне уйти из этого дома, где моя добродетель подвергается опасности, или я криком созову соседей, и все узнают о вашей дерзости.

Она сказала это так решительно, что Чичона, имевшая основания остерегаться судебных властей, просила графа не настаивать на своем. Графу пришлось подчиниться намерению Леоноры. Она высвободилась из его рук и, чего до сих пор не случалось еще ни с одной девицей, приглянувшейся графу, вышла из комнаты такой же, какой вошла.

Она поспешила к дуэнье.

– Пойдемте, дорогая, – сказала она, – прекратите этот вздорный разговор; нас дурачат; уйдемте из этого опасного дома.

– Что такое, дочь моя? – удивилась Марсела. – Отчего вы хотите так внезапно уйти?

– Я вам все расскажу, – отвечала Леонора. – Пойдемте скорее; каждая минута, проведенная здесь, причиняет мне новые мученья.

Как ни хотелось дуэнье сейчас же узнать причину столь внезапного бегства, ей это не удалось; пришлось уступить настояниям Леоноры. Они поспешно ушли, оставив Чичону, графа и его лакея такими же смущенными, как бывают смущены актеры после представления пьесы, освистанной партером.

Едва Леонора очутилась на улице, как сейчас же стала взволнованно рассказывать наставнице все, что произошло в комнате Чичоны. Дуэнья слушала

ее очень внимательно и, когда они пришли домой, сказала:

– Признаюсь, дочь моя, я крайне удручена тем, что вы мне рассказали. Как я могла дать этой старухе так ловко меня одурачить! Я сначала колебалась, идти ли за ней. Зачем я изменила себе! Мне не следовало доверяться ее кроткому и честному виду – это непростительная глупость для такой опытной женщины, как я. Ах, почему вы не открыли мне этот обман там же, в ее доме? Я бы вывела ее на чистую воду, я бы осыпала графа бранью и сорвала бы бороду с мнимого старца, который плел мне всякую чушь. Но я сейчас же вернусь туда и возвращу деньги, полученные якобы в уплату долга. Если я их застану, они ничего не потеряют от того, что немного подождали.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Автор испанского «Хромого Беса».

2

Придворного алькальда (исп.).

Альгвасил – то же, что во Франции полицейский пристав, только он носит шпагу.

Купить: <https://tellnovel.com/alen-lesazh/hromoy-bes>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)